

Старец Силуан Афонский

О Священном Предании и Писании

Отношение Старца к послушанию, как необходимому условию для научения духовной жизни, тесно связывалось с его отношением к Священному Преданию и к Слову Божию.

Жизнь Церкви он сознавал, как жизнь в Духе Святом, и Священное Предание, как непрерывающееся действие Духа Святого в Церкви. Предание, как вечное и неизменное пребывание Духа Святого в Церкви,— есть наиболее глубокая основа Ее бытия, и потому Предание объемлет собою всю жизнь Церкви настолько, что и самое Священное Писание является лишь одною из форм его. Отсюда положение таково:

Если бы Церковь лишилась Своего Предания, то Она перестала бы быть тем, что есть, ибо служение Нового Завета есть служение Духа, «написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3, 3—6).

Если же предположить, что по тем или иным причинам Церковь лишается всех Своих книг, т. е. Ветхого и Нового Заветов, Творений Святых Отцов и богослужбных книг, то Предание восстановит Писание, пусть не дословно, пусть иным языком, но по существу своему, и это новое Писание будет выражением все той же «единожды преданной Святым веры» (Иуд. 1, 3), выявлением все того же Единого Духа, неизменно действующего в Церкви, являющегося Ее основой, Ее сущностью.

Священное Писание не глубже и не важнее Священного Предания, но, как сказано выше, одна из его форм. Форма эта является ценнейшей и по удобству сохранения ее, и по удобству пользования ею; но изъятая из потока Священного Предания, Писание не может быть понято, как должно, никакими научными исследованиями.

Если Апостол Павел имел «ум Христов», то тем более имеет ум Христов Святая Церковь, включающая в Себя и Павла. И если писания Павла и других Апостолов являются Священным Писанием, то и новое Писание Церкви, т. е. по утере старых книг, стало бы таким же Священным, ибо, по обетованию Господа, Бог — Святая Троица неизменно пребывает в Церкви.

Неправильно делают те, которые, отталкиваясь от Предания Церкви, идут, как они думают, к истокам Ее, т. е. к Священному Писанию. Не Священное Писание — истоки Церкви, а Священное Предание. В течение нескольких первых десятилетий Своей истории Церковь Писания Нового Завета не имела и жила только Преданием, хранить которое призываются верующие в посланиях Ап. Павла (2 Сол. 2, 15).

Общеизвестный факт, что все ересиархи исходили из Священного Писания, с той лишь разницей, что понимали его «по-своему». О таком извращении смысла Священного Писания при толковании его по своему разумению, говорил еще Ап. Петр (2 Петр. 3, 16).

Отдельные члены Церкви, не исключая и Ее лучших сынов и учителей, не достигают совмещения в себе всей полноты дарований Святого Духа, и потому в своих учениях и писаниях имеют те или иные несовершенства и даже иногда ошибки, но в целом учение Церкви, обладающей полнотою дарований и познания, пребывает во веки истинным.

Непоколебимая вера в истинность учения Соборной Церкви в его целом и глубокое доверие всему, что приняла и утвердила Она в Своем опыте, лежащие в основе жизни Афонского монаха, спасают его от бестрадиционного дилетантизма и робких исканий. Такое вхождение верою в жизнь Вселенской Церкви делает монаха сообладателем Ее безмерных богатств и сразу придает его личному опыту категорический характер достоверности.

При изучении Священного Писания, Творений Святых Отцов и неисчерпаемых по своему догматическому и молитвенному содержанию сокровищ литургических книг — монах встречается с невыразимо великим богатством, и потому у него не является расположение писать и самому о том же, не внося чего-либо существенно нового. Но когда в жизни Церкви явится действительная нужда, тогда напишутся новые книги.

Каждая новая книга, имеющая притязание включиться в учение Церкви или выразить его, подвергается суду Церкви, Которая медлительно, но все проверяет и испытывает со всех сторон, и прежде всего со стороны влияния учения на жизнь. Этот критерий, т. е. влияние учения на жизнь, имеет чрезвычайно важное значение в силу теснейшей связи догматического сознания и жизни, и все, что окажется противоречащим или несоответствующим духу Христовой любви, которою живет Церковь, Она отвергнет.

Отдельные сыны и члены Ее на пути к этой любви — претыкаются, падают, совершают преступления, но Церковь в глубине Своей знает Духом Святым истину любви Христовой, и там, где привходит хотя бы и слово любовь, но с иным содержанием, там Церковь не прельстится никакою философию, никаким блеском доктрин. Церковь не обманывается.

Мы полагаем, что верный сын Церкви, Блаженный Старец Силуан, в своих писаниях указывает на последний и достовернейший критерий истины в Церкви.

Критерий сей — *Христова любовь к врагам и смирение Христово.*

* * *

Старец писал:

«Никто не может знать от себя, что есть любовь Божия, если Дух Святой не научит, но в Церкви нашей любовь Божия познана Духом Святым, и потому мы говорим о ней».

«Господь благ и милостив, но мы сказать о любви Его ничего не могли бы кроме Писания, если бы не научил нас Дух Святой».

«Мы можем рассуждать лишь настолько, насколько познали благодать Святого Духа»...

«Святые говорят о том, что действительно видели и знают. Они не говорят о том, чего не видели»... (Ср. Кол. 2, 18).

«Святые от своего ума ничего не говорят».

Богодуховенное Писание — есть вернейшее слово (2 Петр. 1, 19), полезное для научения и наставления на всякое доброе дело, угодное Богу (2 Тим. 3, 16—17), но почерпаемое из него богопознание не может достигнуть искомого совершенства, если не научит еще Сам Господь Духом Святым.

При всем своем подлинном смирении и кротости, Старец с какою-то непоколебимую уверенностью и внутреннею самодостоверностью говорил, что не может человек «своим умом» постигать Божественное, которое познается «только Духом Святым», а потому и Священное Писание, «написанное Духом Святым», не может быть постигнуто посредством научного исследования, которому доступны лишь некоторые внешние стороны и детали, но никак не сущность.

Доколе человеку не будет дано свыше «разуметь Писания» и «знать тайны Царствия Божия», доколе он долгою борьбою со страстями не смиритя и самым опытом не познает воскресения своей души и всего, что лежит на этом великом и таинственном пути, доколе необходимо, чтобы он строго держался предания и учения Церкви и не дерзал учить от себя, как бы ни был он учен «по человеку», потому что даже самые гениальные человеческие домыслы далеко отстоят от подлинной жизни Духа.

Дух Святой, Дух Истины в какой-то мере живет в каждом человеке, и тем более христианине, но не следует этого малого опыта благодати преувеличивать и дерзновенно исходить из него.

Дух Святой, всегда реально пребывающий в Церкви, терпеливо и кротко ищет и ждет всякую душу, но сам человек не дает Ему свободы действовать в себе, и потому остается вне Света и познания тайн духовной жизни.

Частое явление, что человек после некоторого опыта благодати, не возрастает в ней, но теряет ее; и религиозная жизнь его сосредоточивается в мозгу, как отвлеченное понимание. Пребывая в этом состоянии, он нередко мнит себя обладателем духовного ведения, не разумея, что подобное отвлеченное понимание, хотя бы и предваренное испытанием некоторой благодати, есть своеобразное извращение слова Божия, и Священное Писание, по существу, остается для него «книгой, запечатанной семью печатями» (Откр. 5, 1).

Священное Писание есть слово, которое «изрекали Святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр. 1, 21). Но изречения Святых не являются чем-то совершенно независимым от умственного уровня и духовного состояния тех, к кому они обращались; нет, они были живым словом к живым конкретным людям, и потому неизбежно ошибочным будет научное (историческое, археологическое, филологическое и подобное) истолкование Писания.

Во всем Священном Писании сокрыта определенная последняя цель, но к этой всегда единственной и неизменной цели Святые Пророки, Апостолы и другие Учителя Церкви вели живых, окружавших их людей, приспособляясь к их уровню и пониманию.

Особенно яркий в этом отношении пример — Апостол Павел, который, конечно, никогда не отступал от своего единого боговедения и богословия, и который, однако, «для всех был всем, чтобы спасти...» (1 Кор. 9, 19—22). Иными словами, Павел со всеми говорил по-разному; и если подойти к его посланиям только с научным анализом, то сущность его «богословской системы» неизбежно останется невыясненной.

Старец весьма почитал богословскую науку и представителей ее, но положительную роль и заслуги научного богословия он относил исключительно к историческим условиям жизни Церкви, и никак не к подлинной вечной жизни Духа.

В человеческом слове есть некоторая неизбежная текучесть, неопределимость. И это свойство его остается даже в Священном Писании, и потому лишь в ограниченных пределах возможно выражение божественной истины человеческим словом. Этим не низводится на степень простой человеческой относительности Слово Божие. Нет. Мысль Старца в том, что постижение Слова Божия лежит на путях исполнения заповедей Христа, а не на путях научного исследования. Так учил и Сам Господь:

«И дивились иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус отвечая им, сказал: Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Иоан. 7, 15—17). Господь все Священное Писание свел к короткому слову: — любите Бога и ближнего (Мф. 22, 40). Но Христово слово — любовь — во все века останется тайною для всех филологов. Слово это есть имя Самого Бога, и его подлинный смысл открывается не иначе, как только действием Самого же Бога.